

Д. В. ФИЛОСОВ

Жан-Жак Руссо

(К двухсотлетию со дня рождения)

Друг Александра I, министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын учредил при своем министерстве существующий и поныне «ученый комитет» для рассмотрения учебных книг. В инструкции, выработанной на сей случай, мы читаем, что комитет обязан отвергать все книги, защищающие теории естественного права и первобытного состояния человека, а также «ложные учения о происхождении верховной власти не от Бога, а от условий между людьми»¹.

Другими словами, инструкция отвергала идеи Ж.-Ж. Руссо. Именно он говорил об общественном договоре, о неотъемлемых правах человека. Борьба Голицына с идеями Руссо — один из курьезов русского просвещения. Но по-своему реакционный министр был прав. Руссо колебал устои старой государственной идеологии, подкапывался под исконное учение об источниках власти. Недаром Робеспьер считал себя учеником Руссо².

Голицынский комитет не победил своего врага. Довольно-таки ребяческую теорию общественного договора победила современная наука. Но сила Руссо — не в «научности». Если развалилась материя его знаменитой книги, то жива бессмертная душа ее. Идея народного суверенитета, т. е. перемещение центра тяжести в вопросе об источнике государственной власти, стала общим достоянием, и никакие лилипуты-Голицыны не могут уже вытравить эту идею из современного сознания. Учитель Робеспьера резко отделил «кесареву от Божьего» и охранил этим чистоту религиозных ценностей, устранив из них смешение божеского с человеческим.

Правда, Руссо пытался написать свой трактат в научном стиле. Но это был научный стиль XVII века, блестящая игра логическими формулами, следствиями и выводами. В методе своем Руссо следовал заветам рационализма, традициям схоластики. По существу же Руссо был отнюдь не рационалист. Это — человек чувства и воли. «Общественный договор» ценен как поразительной яркости лозунг, как новое волеустремление. Книга Руссо стоит на рубеже двух эпох, двух мирозерцаний. Соединение прошлого с будущим. В других своих сочинениях Руссо совершенно освободился от прошлого. Действительно, к «Общественному договору» трудно подойти без многочисленных исторических предпосылок. Книга эта — как бы звено в длинной цепи истории политических учений, тогда как «Исповедь» или «Эмиль» почти не нуждаются в исторических комментариях. Незначительные усилия, затраченные на их прочтение, вознаграждаются очень щедро. И это потому, что здесь Руссо не рассуждает, а чувствует, потому что здесь говорит не правда разума, а правда сердца. Нет сомнения, что Лев Толстой, находившийся под сильным влиянием Руссо, читал «Рассуждение о неравенстве людей» без всякой «исторической» подготовки. Он прислушивался к голосу не «мыслителя XVIII века», а к голосу своего современника, живого человека, который говорит «о том же». «Исповеди» Руссо и Толстого — книги одного духа, несмотря на свое кажущееся различие. Здесь время как бы побеждено. Вечная человеческая правда перелетела через пропасть, отделяющую век «энциклопедистов» от Льва Толстого.

В этом — глубокое различие между Вольтером и Руссо. Эти два имени тесно связаны в нашем сознании. Так повелось искони. Но подобная ассоциация совершенно неосновательна. Заслуги Вольтера перед европейской культурой громадны. Но они — в прошлом. Девяносто томов его сочинений — предмет научных исследований, литературных изысканий. Не больше. Пророческого в Вольтере нет ничего. Он — итог своеобразной культуры. Гениальный популяризатор идей, накопленных его предшественниками. Как литератор он страшно консервативен. Литература XIX века ничем ему не обязана, тогда как без Руссо не понять происхождения современного психологического романа, не понять романтизма начала XIX века.

Для русских Вольтер интересен как родоначальник поверхностного, несвойственного русской душе «вольтерианства», мода на которое царила среди наших бар-крепостников Екатерининского времени. Самые темы Вольтера не русские. Наобо-

рот, тема Руссо — подлинно русская. Руссо искал не бескорыстной, холодной истины, а правды и справедливости. В истории русской мысли Руссо следует отвести почетное место. Руссо звал назад, к природе, томился утонченной культурностью своего времени³.

Француз по-своему объяснит эти стремления. Он на нескольких страничках расскажет нам о естественной реакции чувства против разума, о чрезмерной условности эпохи Людовика XV и определит Руссо как основателя литературной школы «сентиментализма». Но французская история литературы и вообще французские домашние дела нас мало интересуют. Для нас Руссо дорог не как француз, а как «всечеловек». Он с особой резкостью поставил вопрос о противоречии между правдой культуры и правдой природы, между правдой рассудка и правдой чувства. Нам совершенно незачем впихивать Руссо в историческую среду, класть его на определенную полку, потому что вся русская литература разрабатывала, в конце концов, темы Руссо. «Исповедь савойского священника» для нас не момент в истории религиозной мысли, а сегодняшняя, волнующая нас тема. «Рассуждение о неравенстве людей» — не сочинение, написанное на соискание премии Дижонской академии, а заветная дума всей русской интеллигенции.

Без особых усилий мы можем представить себе Руссо, спорящего в кругу петрашевцев. Нас не удивило бы, если бы он подсел к столу в грязном трактире, где Алеша и Иван Карамазовы спорили о Боге под звуки «Травиаты». Вероятно, Пьер Безухов и Платон Каратаев рады были бы иметь Жан-Жака своим товарищем по плену. Но разве можем мы себе представить в такой обстановке Вольтера?

Биография Руссо — тяжелая, страшная. Он сам сгустил ее краски в своей «Исповеди», впадая порой от застенчивости в цинизм. Характер у него был злобный, сварливый. Отношение к собственным детям, которых он, как щенков, таскал в воспитательный дом, нам представляется чудовищным. В жилах Руссо текла карамазовская кровь. Но Руссо не боялся общественного мнения, не боялся «юродства». В нем была своя скромность, коренившаяся в сознании внутреннего, душевного величия.

Своим «юродством» он победил уравновешенного Вольтера. Вольтер всю жизнь не мог забыть, как его выгнали лакеи какого-то аристократа. А Руссо откровенно рассказал все испытанные им «позоры». Вольтер был в постоянных сношениях с Россией. Из тщеславия он добивался звания академика

елисаветинской академии, для чего написал даже свою нелепую историю Петра Великого. С Екатериной II он вел оживленную переписку. Но все это — далекая «история», не трогающая ни нашего ума, ни нашего сердца.

Руссо, вероятно, никогда и не думал о России. Он не заботился об истории, потому что сам делал ее. И вышло так, что для России он оказался гораздо нужнее, нежели Вольтер. Вольтер — до мозга костей француз и сын своего времени. Руссо разорвал цепи времени и пространства, вышел за пределы национальности и эпохи. Сегодня, когда Франция и французская Швейцария торжественно чествуют память великого человека, мы, русские, должны душою присоединиться к этому чествованию. И не потому только, что мы одним боком причастны к европейской культуре, а потому, что «всечеловек» Руссо слишком много нам дал и слишком тесно связан с будущим культуры русской.

